

Лебедев Семен Яковлевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации

Валуев Максим Владимирович

адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

**ПРЕСТУПНОЕ НАСИЛИЕ
ПОД ЗНАМЕНОМ СОЦИАЛЬНОЙ
СПРАВЕДЛИВОСТИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ СОВРЕМЕННЫМИ
«САНИТАРАМИ» ОБЩЕСТВА**

Аннотация:

Современная криминологическая ситуация в стране характеризуется обострением проблемы криминальной агрессии, жестокости и т. п. в молодежной среде, остающейся за собой первенство в культивировании и воплощении идей борьбы за справедливость, устранение социального неравенства. Сегодня активно демонстрируют себя молодежные сообщества, стремящиеся публичными, нередко противоправными силовыми акциями против педофилов, бомжей и т. д. доказать государству и обществу эффективность своих методов в достижении цели очищения общества от преступников. Криминологическая оценка совершаемых этими группами преступлений позволяет авторам выйти на новые ориентиры в познании и предупреждении современной групповой молодежной преступности, скрывающейся под маской социальной справедливости.

Ключевые слова:

молодежная преступность, групповая насильственная преступность, неформальные молодежные сообщества, мотивация преступлений, социальная несправедливость, социальное неравенство, предупреждение преступлений молодежи и несовершеннолетних.

Lebedev Semyon Yakovlevich

D.Phil. in Law, Professor,
Criminal Law and Criminal Science Department,
Crimean branch of Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Valuyev Maxim Vladimirovich

Postgraduate student, Criminal Science Department,
Moscow University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

**THE ACTS OF VIOLENCE
UNDER THE BANNER OF
SOCIAL JUSTICE: CRIMINOLOGICAL
EVALUATION OF COLLECTIVE
OFFENCES COMMITTED
BY THE MODERN "ORDERLY"
SOCIETY**

Summary:

Contemporary criminological situation in the country is characterized by the aggravation of criminal aggression, cruelty and so on among the young people who support and implement ideas of struggle for justice and elimination of social inequality. Today those youth community manifest themselves energetically which by public, often illegal acts of violence against pedophiles, homeless and others try to prove to the state and the society the effectiveness of such methods in achieving the goal of cleanup of the society from criminals. The criminological evaluation of the crimes committed by these groups allows the authors to reach new guidelines in the study and prevention of the collective crimes committed by contemporary youth hiding themselves under the guise of social justice.

Keywords:

youth crime, collective violent crime, informal youth community, crime motivation, social injustice, social inequality, youth and minors' crime prevention.

Не только специалистам, но и обычным гражданам заметно, что сегодня преступность в мире большей своей частью приобретает откровенно агрессивный, экстремистский, более жестокий по своим проявлениям и последствиям характер. Криминологи обоснованно связывают наблюдаемую эскалацию криминального насилия с обострением социальных противоречий, в основе которых всегда лежит криминологически объяснимое в качестве основной причины преступности социальное неравенство. Именно оно закономерно выступает источником социальной несправедливости, стимулирующей развитие преступности.

Движимые мотивами борьбы за справедливость, нередко люди сами встают на преступный путь, рекрутируют и объединяют вокруг себя таких же недовольных, создают группы и организации, формально декларирующие идеи социальной справедливости, устранения из жизни всего криминального (наркоманов, педофилов, проституток, бомжей, нелегальных мигрантов и т. д.). Проявляя при этом агрессию и жестокость по отношению к другим людям, существующим, по мнению таких «правдолюбцев», во вред всему обществу, они идут в своей мести гораздо дальше стремлений известного, давно ставшего хрестоматийным в соответствующей отечественной

уголовно-правовой оценке персонажа советского кинофильма «Берегись автомобиля» – Юрия Деточкина. В страстном порыве достижения цели социальной справедливости они направляют свой гнев непосредственно на человека, унижают и издеваются над ним, причиняя ему моральные и физические страдания, нанося тяжкие увечья, лишая здоровья, а порой и самой жизни.

Демонстрируя на словах идею борьбы за справедливость, на деле они представляют собой опасные преступные группы, совершающие дерзкие и жестокие насильственные преступления, при этом распространяя о себе мифы и легенды, созвучные робингудовским. Безграничное пространство интернета пестрит агрессивными и жестокими сюжетами из повседневной «санитарной» практики ставших одиозными молодежных сообществ: «Оккупай-Педофилия», «Тесак против Педофила», «Город без наркотиков», «Московский антинаркотический спецназ (МАС)», многих других молодежных групп, демонстрирующих радикальные взгляды и позиционирующих себя в качестве национальных, революционных и политических объединений [1]. Они открыто пропагандируют свою идеологию и результаты своей жестокой противоправной деятельности, не страшась быть привлеченными к какой-либо правовой ответственности, поскольку изначально уверены в правоте таких акций и одобрении такого поведения обществом.

Вдохновленные такими перспективами и жадной научной познания относительно новой для современной криминологии проблемы предупреждения преступлений, совершаемых группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости, авторы провели пилотажное криминологическое исследование [2], основные результаты которого сводятся к выводам и предложениям, имеющим теоретическое и практическое значение для развития науки и предупредительной деятельности правоохранительных органов.

Предварительное теоретическое осмысление проблемы позволило в первую очередь констатировать, что феномен социальной справедливости (несправедливости) при всей неоднозначности своего научного (философского) осмысления из-за объективно проявляемого и в большинстве случаев субъективно оцениваемого качества (справедливо либо несправедливо), аналогично созвучным субъективным критериям понимания добра и зла, закономерно проявляет себя в качестве главного стимула формирования соответствующих сообществ и деятельностной активности их участников в процессе подготовки и совершения преступлений. При этом индивидуально и групповое (в рамках сообщества) сознание «борцов за справедливость», нацеленных на устранение несправедливости, взявших на себя миссию ликвидатора несправедливости, зла для общества, формирует индивидуальный образ ее воплощения в конкретном человеке, в прямом смысле своим поведением ее олицетворяющим. Отсюда достижение социальной справедливости при попытке покарать зло приобретает характер самостоятельного мотива, имеющего свою уголовно-правовую и криминологическую специфику наряду с традиционно оформленными и анализируемыми в уголовном праве и криминологии для оценки мотивационной стороны преступлений мотивами корысти, мести, зависти, ревности, хулиганских побуждений, а равно политическими, идеологическими, религиозными, националистическими и т. д. Это дает основание для выделения в криминологии самостоятельной группы преступлений, совершаемых по мотивам социальной справедливости.

Подобный мотивационный механизм совершения преступлений служит идеологической основой формирования различных как неформальных, так и отчасти формальных сообществ и организаций, преследующих цель достижения социальной справедливости (устранения социальной несправедливости) путем группового и главным образом силового воздействия, соединяющего в себе одновременно физическое, психическое, интеллектуальное, эмоциональное, иногда с привлечением правоохранительного ресурса и с опорой на специально формируемое для успешной реализации своих намерений общественное мнение, на лиц, в противоправном либо аморальном поведении которых проявляется, по твердому убеждению участников таких сообществ и организаций, угроза общественному спокойствию и общественной безопасности, которой необходимо активно и публично противодействовать. Более того, демонстрация такого противодействия дополняется культивированием собственного превосходства над всеми другими официальными государственными, общественными и правоохранительными реакциями и позиционируется по сравнению с ними в качестве более эффективного пути достижения цели ликвидации общественной угрозы и, соответственно, торжества социальной справедливости.

Изучение достаточно объемного эмпирического материала позволило определить, что группы (сообщества) антиобщественной направленности, совершающие преступные посягательства на личность по мотивам социальной справедливости, представляют собой устойчивые, действующие в течение относительно продолжительного времени (от нескольких месяцев до многих лет) социальные образования, не скрывающие своей ориентации на радикальные способы устранения угроз общественной безопасности, открыто и активно популяризирующие их в социальных интернет-сетях. Эти же сети используются ими для поиска лиц, избираемых в качестве объекта воздействия. Большею частью они формируются и действуют в больших городах по принципу «дворовой» (территориальной) общности и состоят из молодых людей в количестве от 7–10 до 30–50 человек в возрасте от 14 до 30–35 лет главным образом мужского пола, объединенных общими социально-демографическими и социально-статусными признаками и интересами. Все группы имеют своего лидера, приближенных к нему рядовых членов сообщества, действующих на основе системы

сформированных лидером групповых норм поведения. Большинство участников таких сообществ, как правило, положительно характеризуются по месту жительства, работы или учебы, внешне выглядят вполне образованными, интеллектуально и физически развитыми, демонстрируют приверженность к законопослушному образу жизни. Каждое из подобных сообществ в основном концентрирует свое «поисковое» внимание на выявлении и последующем физическом и психическом воздействии в отношении представителей какой-либо одной сферы асоциального поведения: педофилы, наркоманы, бомжи, проститутки, этнические мигранты и т. д. Организуемые и проводимые рассматриваемыми сообществами «профилактические» акции оцениваются их участниками как социально полезные и сомнений в их правомерности не вызывают.

Антиобщественная по своей сути активность групп, мотивирующих свои противоправные акции против определенных лиц идеями социальной справедливости, равно как и аргументы, лежащие в основе их формирования, предопределяются провоцирующими к тому виктимологическими особенностями объекта осуществляемого посягательства. Криминогенная виктимность таковых формируется на основе их собственного аморального и противоправного поведения, вызывающего серьезную негативную реакцию в обществе и активное желание его членов жестоко карать за подобные грехи. Нарастающая в обществе в последние годы весьма агрессивная реакция на педофилов, наркоманов, бомжей, проститутку, этнических мигрантов и т. д., часто не подвергающихся какому-либо официальному правоохранительному воздействию и свободно ведущих свой асоциальный образ жизни, объективно создает благоприятную атмосферу для формирования социальных сообществ, принимающих на себя миссию очищения общества от подобных субъектов и их злодеяний. Более того, последние, в силу своей физической слабости и разобщенности, не способны оказывать какое-либо серьезное сопротивление «борцам за справедливость». К тому же снимаемые на видео и выкладываемые участниками рассматриваемых сообществ в социальных интернет-сетях сюжеты о «профилактических» акциях получают одобрение в обывательской среде, что многократно повышает степень виктимности потерпевших. Это в свою очередь стимулирует их к объединению в собственные сообщества для оказания ответного противодействия. В результате в обществе нарастает агрессивный потенциал антиобщественного воздействия и противодействия различных противостоящих друг другу сообществ, способный детерминировать в перспективе не только совершение более тяжелых насильственных преступлений в той и другой среде, но и перераспределение существующих сил в преступном мире в целом.

Оценивая мотив социальной справедливости в качестве первичного побудительного стимула в формировании коллективного умысла на совершение рассматриваемыми сообществами преступлений, посягающих на личность, нельзя не заметить, что традиционно анализируемые в уголовном праве и криминологии политические, идеологические, религиозные, националистические и так называемые бытовые мотивы (зависти, мести, ревности, корысти, хулиганских побуждений, личной неприязненности), даже используемый для уголовно-правовой характеристики ряда преступлений мотив ненависти либо вражды по своей сути оказываются вторичными по отношению к мотиву социальной справедливости. Все они изначально формируются под воздействием индивидуального осознания преступником (группой преступников), что есть справедливо либо несправедливо в его (их) осознании окружающей действительности и поведения людей. Вслед за таким осознанием, на его основе замышляются и совершаются соответствующие означенной мотивации поступки. Кроме того, представляется, что именно такой мотив – достижение социальной справедливости (как результат – устранение социальной несправедливости) – присутствует в большинстве преступлений экстремистской направленности, для которых в современной уголовно-правовой характеристике субъективной, а вместе с ней отчасти и объективной сторон состава преступления используются производные от обозначенного главного мотива признаки политических, идеологических, националистических, религиозных и прочих побуждений.

Мотив социальной справедливости выступает центральным звеном определения субъективной стороны преступлений, посягающих на личность, поведение которой лицами, нацеленными на выявление и устранение социальной несправедливости, оценивается в качестве угрозы обществу, требующей, по их убеждению, жестокого подавления. Подмечаемая ими социальная несправедливость, заключающаяся в самом факте такой угрозы, усиливается оценкой в качестве несправедливой (слабой, нерешительной, неадекватной, либеральной и т. д.) реакции государства и общества на подобное, угрожающее ему поведение. Ликвидация же несправедливости, декларируемая ориентируемыми на достижение социальной справедливости сообществами, как правило, достигается аналогичными, антиобщественными средствами, большей частью представляющими собой умышленные преступления против личности. В итоге подобная «борьба за справедливость» свидетельствует о наличии в них уголовно-правовых признаков по крайней мере следующих статей УК РФ: 110 (доведение до самоубийства), 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116 (побои), 117 (истязание), 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), 125 (оставление в опасности), 126 (похищение человека), 127 (незаконное лишение свободы). Кроме того, тяжесть перечисленных и иных преступлений, совершаемых

группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости, и соответствующих уголовных наказаний формально может быть дополнена квалификацией по п. «в» (совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) и по п. «и» (совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего) ч. 1 ст. 63 УК РФ (обстоятельства, отягчающие наказание).

Анализ групповых преступлений, посягающих на личность, ее жизнь, здоровье, права, интересы, честь и достоинство, под воздействием мотивационной установки лиц, их совершающих, на достижение социальной справедливости повлиял на формирование профессионального убеждения в том, что все они по своей сути являются экстремистскими. По крайней мере, это подтверждается наличием в типичных фактах рассматриваемого группового преступного поведения признаков, аналогичных объективной стороне составов преступлений экстремистской направленности, изложенных в Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» [3]. Например, таких как: возбуждение социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение человеческого достоинства; осуществление хулиганских действий и актов вандализма по мотивам вражды, а равно по мотивам ненависти по отношению к другим людям; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан в силу их нестандартного поведения или образа жизни; пропаганда и публичное демонстрирование собственной атрибутики или символики, подчеркивающих превосходство над другими людьми, нередко сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению провозглашаемой антиобщественной группой деятельности или совершению указанных действий и т. д. Единственным уголовно-правовым аргументом, не позволяющим причислить подобные антиобщественные группы к разряду экстремистских, является направленность их преступного посягательства на конкретных лиц, а не на формальную социальную группу в ее официальном понимании.

В данном случае ясно осознается, что лица, становящиеся в силу своего собственного антиобщественного и преступного поведения (педофилы, наркоманы, бомжи, проститутки, этнические мигранты и т. д.) потерпевшими от преступлений участников групп антиобщественной направленности, руководствующихся при этом мотивами социальной справедливости, хотя и образуют в совокупности определенную неформальную общность правонарушителей, оцениваться юридически в качестве социальной группы не могут. Как итог – совершаемые в отношении них преступления также формально экстремистскими не признаются. Думается, это обстоятельство требует соответствующих инновационных изменений и дополнений законодательства о противодействии экстремистской деятельности и редакции соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, целесообразно внести изменения в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (Обстоятельства, отягчающие наказание) и изложить его в новой редакции, а именно: «Совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, *по мотивам достижения социальной справедливости (устранения социальной несправедливости) насильственным путем либо путем унижения человеческого достоинства, выражающимся в проявлении ненависти, жестокости или вражды* в отношении какой-либо социальной группы *либо в отношении отдельных граждан*».

Аналогичные дополнения целесообразно внести в ч. 1 ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), а именно изложить ее в следующей редакции: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, *либо без такой принадлежности, но вызывающих в силу своего поведения либо образа жизни у лица, не согласного с таким поведением либо образом жизни, намерение причинить человеку физические и моральные страдания, руководствуясь при этом мотивом достижения социальной справедливости*, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». Подобные дополнения, касающиеся намерений *причинить физический либо моральный ущерб лицу, безотносительно к его принадлежности к какой-либо социальной группе, с мотивацией достижения таким образом социальной справедливости*, требуют своего внесения во все аналогичные части статей УК РФ с соответствующими квалифицирующими признаками (к примеру: в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, ч. 2 ст. 119 УК РФ и т. д.). Кроме того, перечисленные аргументы должны найти соответствующую дополнительную законодательную регламентацию и вслед за ней – практическую правоохранительную реализацию в разъяснении и применении в отношении анализируемых групп антиобщественной направленности ст. 282.1 УК РФ (Организация экстремистского сообщества).

Учитывая противоречивый характер и соответствующую ему неоднозначную официальную социально-правовую оценку деятельности групп антиобщественной направленности, с одной стороны открыто демонстрирующих свои намерения устранить социальную несправедливость путем активного и публичного физического либо психического воздействия на лиц, вызывающих своим

аморальным либо противоправным поведением в отношении себя негативную реакцию общества, а в отношении «борцов за справедливость» – одобрение их поступков, с другой – совершающих в силу такой мотивации общественно опасные посягательства в первую очередь против личности, они (группы) редко становятся объектом контроля со стороны правоохранительных органов. Их преступления, за исключением тяжких и особо тяжких, связанных с причинением потерпевшему смерти либо тяжкого вреда здоровью, несмотря на свою очевидность, часто не попадают в систему уголовно-правовой регистрации и оказываются за пределами уголовно-правового воздействия. В результате утрачивает свою действенность принцип неотвратимости юридической ответственности и наказания, чем создается самостоятельная криминогенная почва для укрепления и воспроизводства антиобщественной деятельности организаций и сообществ, руководствующихся в совершении своих правонарушений и преступлений мотивами социальной справедливости. В свою очередь, отсутствие необходимой для первичного криминологического анализа рассматриваемой групповой преступной деятельности соответствующей уголовно-статистической базы позволяет оценить таковую в качестве высоколатентной, несмотря на фактическую легальность своего активного проявления. Такая ситуация в итоге свидетельствует одновременно о нарушении принципа справедливости уже в его уголовно-правовом воплощении и, следовательно, ставит общество перед фактом необходимости ответной, описываемой в качестве предмета исследования реакции на подобную несправедливость, что фактически втягивает общество в нескончаемый водоворот преступности, стимулируемой идеями социальной справедливости.

Криминологическая оценка современного состояния отечественной системы предупреждения преступлений не позволяет выделить в ней какой-либо эффективный ресурс, способный оказывать превентивное как антикриминогенное (касающееся деятельности рассматриваемых групп антиобщественной направленности), так и тем более антивиктимогенное (снижающее риск подверженности лиц с признаками аморального и преступного поведения криминальным посягательствам) социально-правовое воздействие. В то же время в достижении корреспондирования этих двух направлений предупреждения преступлений видится главный потенциал превенции, способный при его активном развитии и совершенствовании минимизировать насильственную преступность, в том числе в той ее части, которая относится к преступлениям, совершаемым группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости. Отсутствие сегодня такого ресурса само по себе обостряет проблему социальной справедливости в части обеспечения защиты государства, общества и его граждан от преступности, чем стимулирует неправовую активность населения по активизации собственной превентивной антикриминогенной защиты.

Нивелирование названного противоречия призвано создать гарантии для формирования и развития специально-криминологических мер предупреждения преступлений, мотивированных идеями социальной справедливости. Более того, в результате принятия данных мер представляется возможным сформировать благоприятные условия для снижения социальной напряженности в обществе в целом, а следовательно, способствовать сокращению преступности и, как следствие, росту авторитета правоохранительной системы.

Ссылки и примечания:

1. См. подробнее: Желенков А.М. Радикализация правых молодежных общественно-политических движений в России (опыт эмпирического исследования) [Электронный ресурс] // Культура и образование. 2014. № 2. Февраль. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1337> (дата обращения: 24.07.2015) ; Кузьмин А.Г. Праворадикальное движение в современной России: особенности идеологии и перспективы развития [Электронный ресурс] // Политическая экспертиза. URL: <http://www.politex.info/content/view/325/> (дата обращения: 24.07.2015) ; Васильчук Е.О. Радикальные политические движения современности: особенности субкультурного стиля [Электронный ресурс]. URL: http://www.vags.ru/files/faces/morozov_il/3%20morozov.pdf (дата обращения: 24.07.2015) ; Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм / под ред. Р.А. Адельханяна. М., 2005 ; Круглов А.Е. Молодежный радикализм (формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества) : дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2006 ; Новиков И.А. Молодежный радикализм как фактор девиантного поведения: социокультурный анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2010 ; Столяренко Е.В. Молодежный радикализм в российском социуме : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2012 ; Русские националистические организации [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_националистические_организации (дата обращения: 24.07.2015) ; и др.
2. В процессе исследования анализировались статистические данные ГИАЦ МВД России, информационно-аналитические и справочные материалы органов внутренних дел, архивные уголовные дела, возбужденные по фактам совершения групповых насильственных преступлений. Авторами опрашивались: сотрудники подразделений охраны общественного порядка, оперативных и следственных подразделений территориальных (Москва, Московская область) органов внутренних дел; взрослые граждане, представители различных городских социально-демографических и социально-профессиональных групп населения в Москве и Московской области; учащиеся старших классов общеобразовательных школ, студенты образовательных учреждений среднего профессионального (колледжи) и высшего профессионального образования; участники молодежных объединений, формально позиционирующих законопослушную деятельность, и неформальных молодежных объединений, выражающих в своей деятельности и поведении радикальные взгляды по отношению к представителям маргинальной (педофилы, наркоманы, мигранты из стран СНГ, бомжи, проститутки и т. д.) части населения, а также к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией; потерпевшие от причиненных им представителями различных агрессивных настроенных групп молодежи унижений, издевательств и насильственных посягательств. Изучались материалы периодической печати, интернет-сайтов, телевизионных передач, документальных и художественных фильмов, связанных с освещением проблемы.
3. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

References and notes:

1. See: Zhelenkov AM 2014, 'The radicalization of the right-wing youth political movements in Russia (experience of empirical research)', *Culture and Education*, no. 2, February, retrieved 24 July 2015, <<http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1337>>, Kuzmin, AG 2015, 'Right-wing movement in modern Russia: features of ideology and perspectives of development', *Political Expertise*, retrieved 24 July 2015, <<http://www.politex.info/content/view/325/>>, Vasilchuk, EO 2015, *The radical political movements of modernity: subcultural style features*, retrieved 24 July 2015, <http://www.vags.ru/files/faces/morozov_il/3%20morozov.pdf>, Aminov, DI & Oganian, RE 2005, *Youth extremism*, Moscow; Kruglov, AE 2006, *Youth radicalism (the formation of security risks in the transformation of the Russian society)*, D.Phil. thesis, Saratov; Novikov, IA 2010, *Youth radicalism as a factor in deviant behavior: social and cultural analysis*, PhD thesis abstract, Maikop; Stolyarenko, EV 2012, *Youth radicalism in the Russian society*, PhD thesis abstract, Krasnodar; *Russian nationalist organizations* 2015, retrieved 24 July 2015, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_националистические_организации> and etc.
2. The study analyzed statistics MIAC Russian Interior Ministry, information-analytical and reference materials of the Interior, archival criminal cases on facts of committing violent crime group. The authors interviewed: employees of public order units, operational and investigative units of territorial (Moscow region) of internal affairs; adult citizens, representatives of various urban socio-demographic and socio-professional groups in Moscow and the Moscow region; senior students of secondary schools, students of secondary vocational educational institutions (colleges) and higher professional education; participants of youth associations, law-abiding formal positioning activities, and informal youth associations, expressing in their activities and behavior of radical views towards representatives of marginal (pedophiles, drug addicts, migrants from the CIS countries, the homeless, prostitutes, and so on. d.) of the population, and also apply to persons with different sexual orientations; victims caused by them representatives of various violent groups of youth humiliation, harassment and violent attacks. We studied the materials of periodicals, Internet sites, television programs, documentaries and feature films related to lighting problems.
3. *On countering extremist activities: Feder. law of 25 July 2002 № 114-FZ 2002*, Access from legal portal "Garant".